

Мария Фомальгаут

Следующее января

Мария Фомальгаут

Следующее января

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43435639

ISBN 9785005017611

Аннотация

Мысли бьются в голове перепуганными бабочками, Вайлин, Вайлин, что за ересь он нес, а если не ересь, а если он знает что-то, чего не знаем мы... Кто мы такие, кто приручил нас, кто привел нас из леса, а если правда никто, а скрипка, а точно ли был Андреа Амати, или не было никакого Амати, а были дикие скрипки в темной чаще, пели свои дикие мелодии в свете полной луны...

Содержание

Ключи на песке	5
Лунная ладья	7
Дзоригами в Дзиндзя	12
Вайлин	23
Запретное слово	33
Страна уходит в портал	35
Молесоград	38
Даркер	41
Похищенный	50
Отключенная правда	61
А я все видели	67
По води, по земи, по небеси...	73
Полчасика	84
Алчеп	90
История про кошку, которой не было. Истории.	97
Или кошки	
Следующее января	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Следующее января

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Владимировна Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2019

© Мария Владимировна Фомальгаут, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-1761-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ключи на песке

...в следующий раз я бросил в песок ключи от дома, которого у меня никогда не было, – чтобы узнать, иду я по своим следам или нет.

Впрочем, это ничего не дало, да и не могло ничего дать – слишком много лежало ключей на моем пути, как, впрочем, и всего остального, – осколков чаш, сломанных колес, разбитых кирпичей. Иногда мне почти удавалось запомнить, где именно я бросил ключ, или чашу, или череп поверженного врага – но именно, что «почти», и всякий раз, доходя до оброненного предмета, я ничего не помнил.

Порой я бросал предметы чуть раньше – например, это могли быть обломки костей или пустые раковины – но про них я забывал, конечно, еще быстрее. Еще пару раз я оставлял надписи на песке – но к тому времени, когда я добирался до этих записей, если добирался – я уже успевал начисто забыть, что именно писал самому себе, не мог разобрать ни одного знака.

Мой путь начинался с...

...а с чего, собственно, начинался мой путь? Если я скажу – с аммонитов, ползающих по дну океана, это будет неправдой. Если я скажу – с первых костров – это тоже будет неправдой. Потому что я сам не знаю, где начало, где точка отсчета – и нисколько не удивлюсь, если она окажется

в стеклянных высотках, или там, где ездят скрипучие экипажи, а может, даже там, где огромная луна в полнеба озаряет остроконечные руины – все, что осталось от нашей цивилизации.

Где кончался мой путь, я тоже не знал. Проще всего было сказать, что это петля без начала и конца – но чем дальше, тем больше я сомневался в этом. Я пытался оставить вехи самому себе – но все время забывал про них...

Так было до того момента, когда мой путь пересекся с другим путем. Это было не просто странно, это было страшно – другой путь. Я даже сначала не обратил внимания, ну, подумаешь, какие-то кольца, свернутые в немыслимые ленты Мёбиуса – только потом спохватился, что такого на моем пути быть не должно.

Я смотрел на путь из ниоткуда в никуда, усеянный изогнутыми кольцами – и не мог понять, кто прошел здесь. Это было безумием – думать о таких вещах.

И еще большим безумием было свернуть со своего пути на дорогу, усеянную изогнутыми кольцами – в неизвестность...

Лунная ладья

...за лунной ладьей ухаживать ничуть не проще, чем за обычной кроватью, а во многом даже сложнее. Во-первых, не для кого не секрет, что лунную ладью нужно натирать до блеска, свет ладьи – показатель статуса её владельца. Недаром в старину клятвопреступникам и предателям запрещали чистить ладью, по грязной ладье сразу могли узнать негодяя.

Разумеется, постель в ладье тоже должна быть идеально чистой, пахнувшей лавандой. Не забудьте повесить над изголовьем ладьи ловец снов. Кстати, вспомните, что в старину по размерам и красоте убранства ловца снов определяли, насколько состоятелен его владелец. Но не переусердствуйте – слишком яркий и большой ловец не вызовет у людей ничего кроме усмешки.

Не вздумайте запереть лунную ладью в стойло или привязать к причалу – непременно оборвет цепь и сбежит, чтобы никогда не вернуться.

На рассвете ладью следует отпустить – как отпускаете сны. Не беспокойтесь, если лунная ладья не полетела сразу в небо – ей виднее, что делать, и как. Но если ладья не поднимается больше чем полдня – это уже повод для беспокойства.

Вечером лунная ладья сама придет к вам, опустится

на холм. Если ладья коснулась воды – не бойтесь, вы можете пройти к ней по лунной дорожке, даже не замочив ноги.

Напоминаем, что перед тем, как лечь в лодку, нужно очистить не только тело, но и душу. Как нельзя идти в лунную постель с грязными ногами, так нельзя идти в постель с грязными мыслями. Большинство аварий лунных лодок происходит именно по этой причине – человек лег спать, оставив в голове нечистую мыслишку.

Собрать разбившуюся лодку очень тяжело – но нет ничего невозможного, нужно только хорошенько потрудиться, обойти все леса, поля, холмы, сложить воедино рассыпавшиеся осколки, скрепить своими слезами. Какие попало слезы не подойдут, это должны быть именно слезы сожаления о дурной мысли.

Управлять лунной ладьей не нужно – она сама знает, куда повезти вас по ночным небесам, по снам, по мирам, по космосу. Если кто-то признается вам, что управляет ладьей и сам ведет её, куда хочет – непременно сообщите на него в полицию. Помните, за укрывательство таких управленцев вы получите не меньший срок, чем сами управленцы. Особенно вас должны насторожить рассказы о том, что где-то есть целые странствующие города, чьи жители никогда не покидают свои ладьи, живут во сне, пересекают огромные космические пространства. Помните – это не более, чем красивая сказка, если кто-то из ваших друзей якобы отправился в космос и не вернулся – знайте, что он погиб.

Обязательно каждый день подрезайте края ладьи – иначе сами не заметите, как тонкий месяц вашей ладьи превратится в полную луну. Согласитесь, проснуться однажды утром в полной луне будет не очень-то приятно.

Не забывайте, что лунная ладья выдается человеку один раз и на всю жизнь – с семнадцати лет. Если вы потеряете свою ладью, разобьете её или обидите так, что она к вам больше не вернется – никто не даст вам новую ладью. Вспоминаются жуткие случаи, когда обезладьенные люди пытались забрать ладью у людей, которые только что умерли – но это категорически недопустимо. Во-первых, нет большего греха, чем отобрать у умершего его пристанище, а во-вторых, ладья умершего плывет не по снам и не по облакам, а уходит в туман, в неведомое, откуда нет возврата. Еще более страшная участь ждет того, кто осмелится убить другого человека, чтобы захватить его лодку. Я сам видел, как мой обезладьенный брат обезглавил отца, чтобы завладеть его ладьей, как ладья почернела, будто уголь, а потом стала погружаться в землю, все ниже и ниже. Я пытался вытащить брата, но не смог – он будто бы прирос к ладье, прирос намертво. Меня самого чуть не утянуло за ним в черные бездны, я едва успел спастись, успел спохватиться, что уже не мой брат, это убийца...

...до сих пор ученые спорят, куда уходят ладьи днем. Раньше полагали, что они просто исчезают, но это, конечно же, полный абсурд. Сейчас мнения расходятся – кто-то

считает, что ладьи уходят на пастбище, кто-то же полагает, что ладье тоже нужно выспаться, как и нам, что ладье тоже нужна своя ладья. Этот момент тоже вызывает споры: одни полагают, что ладьи по очереди спят друг в друге, другие же доказывают, что у каждой ладьи есть ладья для ладьи, а у той ладьи – ладья для ладьи для ладьи, а у той... Противники этой теории уверяют, что так не бывает, сторонники же ссылаются на теорию бесконечности...

Очистите свое тело.

Очистите свою душу от мрачных мыслей.

Натрите ладью до блеска.

Поправьте ловец снов.

Ложитесь в постель.

Всем спокойной ночи.

Сладких снов.

Дзоригами в Дзиндзя

Нам нужен Каракаса-обакэ, – говорит Дзоригами.

Нам нужен Каракаса-обакэ, – говорит Тётимбаке.

Оплакивают Моридзини-но Окама, его безвременную кончину.

Надо похоронить, говорит Дзоригами.

Надо похоронить, говорит Тётимбаке.

Пытаются вырыть яму, ничего не получается, наконец, Тётимбаке находит глубокую канаву, туда сбрасывают останки Моридзини-но Окама, укрывают сухой травой, листьями, – вестниками осени, присыпают землей.

Дзоригами плачет.

Тётимбаке утешает, как может, наконец, напоминает, что надо найти Каракаса-обакэ, и поскорее, а то вон чего делается, дождь так и льет.

Пошли искать, соглашается Тётимбаке.

Идут искать.

Случайный прохожий выворачивает на мокрую улицу, видит идущих, в страхе убегает прочь.

Дзоригами и Тётимбаке прячутся под навесом на крыльце старого дома, тихонько, чтобы хозяева не заметили, Тётимбаке бормочет что-то в утешение, что, может, хозяева рады будут, ну ты им подскажешь, который час, а может, у них света нет, масло кончилось, так я пригожусь... Дзоригами

смеется, у тебя у самого масла нет, а туда же...

Молчат.

Потихоньку оплакивают Моридзини, который разбился.

Тётимбаке заводит Дзоригами, Дзоригами говорит, надо бы тебе где-нибудь масла раздобыть. И мне тоже.

Дождь кончается.

Легкая морось висит в воздухе.

Больше не надо искать Каракаса-обакэ, – говорит Дзоригами.

Больше не надо искать Каракаса-обакэ, – говорит Тётимбаке.

Потихоньку заглядывают в дом, видят бутылек с маслом на кухонном окне, Тётимбаке жадно пьет масло, спохватывается, поит Дзоригами.

Устраиваются на ночлег.

Тётимбаке озаряет улицу тусклым светом, наконец, спрашивает то, о чем давно хотел спросить.

– А ты... давно его ищешь?

– Три года уже, – вздыхает Дзоригами.

Тётимбаке вздрагивает:

– Так может... его уже и в живых...

– Чш-ш-ш, – Дзоригами сердится, скрежещет всеми своими шестеренками, слышать не хочет такие ужасы.

Тишина.

Слышно, как звенят цикады.

А ты как давно ищешь, спрашивает Дзоригами.

Пять лет, откликается Тётимбаке.

Надо искать, говорит Дзоригами.

Надо искать.

И понимают, что ничего не найдут, что ищи-свищи, хоть весь свет обойди, не найдешь.

Здесь, – говорит Дзоригами.

Здесь, – говорит Тётимбаке.

Смотрят, еще не верят себе, когда видят большой дом, празднество там какое-то, Сецубун, люди выскакивают на улицу в костюмах чертей, крики слышны по дворам, Они ва-а-а сото! Фуку ва-а ути! – радуются чему-то...

А там мой, говорит Дзоригами.

А там моя, вторит Тётимбаке.

А пошли, говорит Дзоригами.

А как, спрашивает Тётимбаке.

А что такое?

А то такое. Ты думаешь, они просто так песни поют, пляшут? Они же злых духов из дома выгоняют, маке-маке, цукумогами...

И чего, спрашивает Дзоригами.

И того, отвечает Тётимбаке, а мы с тобой кто, не цукумогами, что ли?

Дзоригами задумывается, первый раз задумывается, она – кто.

Смотрит туда, где в доме он.

Смотрит...

...не выдерживает, от волнения бьет полночь, потом четверть девятого.

Пошли, говорит Дзоригами. Ты не пойдешь, я пойду.

Идут.

Тётимбаке ищет её, мелькает по комнатам, осторожно, чтобы не подпалить стены или ширмы, наконец видит ту, которую искал, замирает, чтобы не спугнуть...

Дзоригами буквально врзается в своего хозяина, звенит всеми шестеренками-колокольчиками.

– Вы представляете... удивительное событие случилось сегодня, как раз в Сецубун я нашел напольные часы, которые потерял при переезде!

– Сдается мне, вы их просто-напросто оста...

– ...глупости, разве можно оставить такое сокровище? Они достались мне еще от покойной прабабушки...

– ...это просто невероятно... Сегодня как раз изгоняли старые вещи... И сегодня же я нашла старый фонарь, он висел на крыльце моего дома когда-то давно...

– ...и куда же он делся?

– Ой, знаете, ужасная история, его похитили.

– Насколько я слышал, вы сами...

– ...что вы, какие глупости, разве можно выбросить такой драгоценный фонарь!

Это уже другой разговор.

А это третий.

Мне было хорошо с тобой, говорит Дзоригами.

И мне с тобой, говорит Тётимбаке.

Прощаются.

Пьют масло из одной чаши на двоих.

– А давай... – говорит Дзоригами.

– А что? – говорит Тётимбаке.

– А давай... а...

– Ой, нет, нет, не для того я хозяйку столько лет искал, чтобы теперь вот так бросить все, и снова в странствия...

Да не бросить, говорит Дзоригами, а если так...

Это можно, соглашается Тётимбаке, потихоньку радуется, надо же как Дзоригами ловко придумала все...

Дзоригами ведет хозяина по комнатам.

Тётимбаке ведет хозяйку по лестницам, ближе, ближе...

– Ай, ах!

Видят друг друга.

Получилось, думает Дзоригами.

Получилось, думает Тётимбаке.

Два человека смотрят друг на друга.

Хозяин Дзоригами бросается на хозяйку Тётимбакэ, пронзает мечом, хозяйка Тётимбакэ тоже не лыком шита, протыкает врага шпилькой для волос.

Падают замертво.

Переполох, люди бегут, убийство, убийство, хозяйка дома в обморок падает, хозяин за меч хватается, дом защищать, — защищать уже не от кого, два врага лежат мертвые, кровь стекает на футоны, хозяйка приходит в себя, сетует, вот, теперь и стены в крови все...

Дзоригами молчит.

Тётимбакэ молчит.

Кто ж знал, что так оно все получится.

Никто не знал.

А нате вам.

...так вот все и получилось, заканчивает свой рассказ Дзоригами.

Так все и получилось, говорит Тётимбакэ.

Читатели слушают.

Сочувствуют.

Головами качают.

Ну, читатели, которые русские, они не знают, что делать, они только посочувствовать могут, вот оно как бывает. Ну, может, кто скажет, так и плюньте вы на хозяев своих, которые вас бросили, у нас вот тоже... а дальше начнется много историй, как у кого вот тоже, и что из этого получилось.

А вот японские читатели, они знают, что делать.

Они им и говорят:

Сходите в Дзиндзя.

Это святилище такое.

Вам молебен прочитают, души ваши успокоятся.

Друзья благодарят, Тётимбакэ вспыхивает тусклым сиянием, Дзоригами отзывается печальным звоном.

Спешат в Дзиндзя.

Так спешат, что даже уже не прячутся на ночной улице, чуть ли не налетают на прохожих, люди разбегаются с испуганными крикам, ай-й-й-й-а-х-х-х-х-х!

Накрапывает дождь со снегом вперемешку, Дзоригами снова говорит, мы так и не нашли Каракаса-обакэ.

Ну, чего нет, того нет.

А вот и Дзиндзя.

И монах на пороге.

Вот Тётимбакэ и говори:

– Обвенчайте нас.

– Простите?

– Обвенчайте нас. Пожалуйста.

– Но...

Монах терпеливо втолковывает, что это совсем не для этого, что в Дзиндзя людей венчают, а вещи не венчают, а сломанным вещам молитву читают, чтобы их души успокоились.

А Тётимбакэ снова:

– Обвенчайте нас.

И Дзоригами добавляет:

– Пожалуйста.

Монах думает, монах должен сказать – нет, и молитву какую прочитать, чтобы злые силы на порог храма не пустить. Только так не будет, а будет вот так:

Монах роется в складках одежды, вынимает разбитое Унгаикё, там даже осколочка не хватает. И навсегда застыло в Унгаикё единственное отражение, хрупкая девушка с острыми глазами и волосами, завернутыми в причудливый кокон.

– Это... это её Унгаикё? – спрашивает Дзоригами.

– Да, – отвечает само Унгаикё.

– Найдите её, – просит монах, – пожалуйста... найдите...

– И вы нас обвенчаете? – спрашивает Тётимбакэ.

– Ну... э-э-э...

– Вы. Нас. Обвенчаете, – повторяет Тётимбакэ.

– Хорошо.

– Обещаете?

Монах понимает, что отступить некуда.

Да.

– Да.

Цветет сакура.

Праздник.

Ну а как вы хотели, сколько времени уже прошло.

Дзоригами и Тётимбакэ стоят на пороге Дзиндзя, Тётимбакэ показывает монаху Унгаикё.

Монах бледнеет.

– Она... она...

– ...мы можем показать вам её могилу.

Монах падает на колени, трясется в беззвучных рыданиях.

Наконец, поднимает голову.

– Х-хорошо... п-пойдемте... обвенчаю вас...

Дзоригами входит первой, кутается в белое кимоно.

...выходит чуть позади новоиспеченного супруга.

...разливают по чашам масло, пьют, Тётимбакэ побольше масла, ему светить надо, Дзоригами поменьше, ей шестеренки смазать.

Сидят в гостиной заброшенного дома.

Дождь шелестит по плетеной крыше, протекает через дыру возле кухни, Дзоригами в который раз говорит, что надо бы Каракаса-обакэ, Тётимбакэ возмущается, не надо никакого обакэ, нам и вдвоем хорошо.

Дзоригами жалобно скрипит, отбивает полночь не к месту и не ко времени. Что поделать, сломаны Дзоригами, оттого-то и бросил их хозяин...

Что говорите? Вот уже и читатели заволновались, да как это так, Дзоригами поломаны, и Тётимбакэ тоже поломан, у Тётимбакэ погнулись чугунные узоры на крючке, которым Тётимбакэ к стене крепился...

Это что ж за дела, а?

А люди возмущаются, да что ж такое, сколько людей смот-

рят на историю Дзоригами с Тётимбакэ, а никто до сих пор не помог, неужели кузнеца нет, а стекольщик, стекольщик где, почему стекла не вставит, четыре стекла Тётимбакэ, и одно стекло Дзоригами в циферблат, да и механизм подлатать можно, есть же часовщики на свете...

И верно, верно, понабежали часовщики, и стекольщики, и все, все, починили все, и Дзоригами теперь правильное время показывают, и Тётимбакэ... а? Тётимбакэ!

Не слышит.

Нет больше Тётимбакэ.

И Дзоригами больше нет.

...оживают души сломанных предметов...

...сломанных...

...сломанных...

Вот так я обычно рассказываю эту историю, показываю фонарь, который висит у крыльца, показываю старинные часы в гостиной, вот, починили их, и нету больше злых духов, не скитаются по свету, не ищут хозяев...

Кто знает, может, придет время, поломаются часы, фонарь треснет на ветру, снова оживут Дзоригами и Тётимбаке...

Кто знает...

Вайлин

– ...вы хоть понимаете... что мы ничего не знаем про скрипки?

Вайлин смотрит на меня, щурится, так и не могу понять, то ли намекает мне на что-то, то ли с глазами у него что-то не так. Хочу спросить, не спрашиваю.

– Ну... как не знаем... – смотрю на скрипку, которая сидит на подоконнике, – я вот десять лет в музыкалке, двадцать лет на сцене, так не сказал бы, что не знаю...

– Я не об этом, друг мой, – Вайлин снова щурится, – вы знаете, что внутри скрипки? Знаете?

– Это тестя моего спросите, он сорок лет эти скрипки чинит, меня сколько раз выручал, как не приду к нему, начинает, а-а-а, это что надо было со скрипкой делать, чтобы до такого состояния... гвозди забивал, что ли... И я поддакиваю, не гвозди, а сваи...

– Да нет же, нет же, – Вайлин запускает длиннопалую пятерню в патлатую шевелюру, – мы ничего не знаем про скрипки! Ни-че-го!

Готовлю какие-то возражения, но Вайлину не очень-то возразишь:

– Вы вот сами подумайте... вот скажите мне, когда люди одомашнили... м-м-м... камин?

– Ну... э-э-э... в энциклопедии смотреть надо... – уже

протягиваю руку, чтобы подовазть с полки энциклопедию, тц-тц-тц, на-на-на, голос отца в памяти, что ты её с пустыми руками зовешь, она уже ждет, что ты ей дашь, слово какое, или знание...

– Но одомашнили когда-то... да?

– Ну... разумеется.

– А кресло?

– Мне кажется, раньше... нет, позже.

– А как насчет ковриков?

– Давно.

– А холодильники?

– Ну, это в двадцатом веке научились приручать.

– Правильно говорите.

– Если про айфоны спросите, я вам прямо даты скажу, когда их отлавливали и в города привозили...

– ...это я и сам скажу, – Вайлин трясет патлами, – а вот скрипка? Скрипка?

– Когда одомашнили, вы имеете в виду?

– Ну, конечно! И когда же, по-вашему, это произошло?

– Э-э-э... м-м-м-м-м... Шестнадцатый век... или нет...

– ...говорите... в шестнадцатом веке приручили?

– Ну... да....

– И кто, по-вашему?

Снова хочу подозвать энциклопедию, Вайлин снова обрывает меня:

– Я вам сразу скажу. Не было такого. Не было.

– То есть? – оторопело смотрю на еще одну скрипку, которая греется возле камина, сонно потягивается.

– То есть. Скрипки никто не приручал. Они сами пришли в дома... прибились... прижились... Это, так сказать, симбиоз человека и скрипки... они в наших домах прячутся от хищников, получают ноты... а мы берем от них мелодию...

– Хотите сказать...

– ...мы ничего не знаем про скрипки. Друг мой, вам только кажется, что вы знаете, – потому что вы водите смычком по струнам уже тридцать лет! Но вот скажите мне, что чувствует скрипка? Что она думает? Вы можете только предполагать, что ей нравится, когда вы на ней играете, что она сердится и рычит, когда фальшивите... Но на самом деле душа скрипки для нас – потемки, потому что она пришла из темного леса, из каких-то миров... она как будто ходит по грани нашего и ненашего мира, не там, и не здесь... Вы представьте себе дикие скрипки, как они сидели на ветках в диких лесах, исполняли причудливые мелодии в свете полной луны...

От волнения беру в руки сидящую на подоконнике скрипку, она недовольно фырчит, тут же ласково мурлычет, когда я провожу по ней смычком.

– Вы говорите...

– ...ничего не знаем. Поэтому друг мой, можно ли верить скрипке? Вы видели, как скрипка покойного Ральфа кидалась на Офелию, но кто знает, отчего она это делала?

– Офелия в жизни не брала в руки скрипку... то есть, месть за фальшивую игру исключается... я допрашивал Офелию, мы вспоминали всю её жизнь, и ни разу не было такого, чтобы она скрипке чем-то навредила... Я еще думал, может, в детстве что-то такое было, бывает же, маленький ребенок скрипку уронит или нарочно ломает – нет, ничего подобного...

– И к какому выводу вы пришли? – Вайлин снова щурится, смеется надо мной, – скрипка Ральфа бросалась на Офелию, потому что Офелия, видите ли, отравила Ральфа! Гениально! А вас не смущает, что её вообще не было в доме отчима в тот вечер, когда он умер? До этого скрипка не бросалась на Офелию, а тут набросилась! Друг мой, я не спорю, вы выдающийся детектив, щелкаете расследования, как орешки... но тут вы прокололись. Вы величайший знаток человеческой души, не сомневаюсь... Но душа скрипки вам не по зубам... потому что никому не по зубам душа скрипки...

Скрипка в моих руках выгибает спину, угрожающе шипит, прыгает на ковер, – чтобы погнаться за невидимой пустотой.

– Вот видите, видите... – кивнул Вайлин, – даже не пытайтесь их понять... даже не пытайтесь на загадочной скрипичной душе выстроить какие-то умозаключения...

– Вечер добрый.

Вайлин оторопело смотрит на меня, Офелия вздрагивает,

бормочет что-то вроде извините, не ждали...

– Ничего страшного, я ненадолго, – снимаю шляпу, оглядываю большой зал, – позвольте поинтересоваться, а где скрипка?

– Видите ли... – Вайлин бледнеет, – Офелия на скрипке не играет...

– ...вот мы и решили... пристроили её в хорошие руки, – подхватывает Офелия.

Мы решили, мысленно повторяю я. Мы. Я уже понимаю, что они вместе, давно вместе, что Офелия...

– ...моя невеста, вы правильно подумали, – кивает Вайлин, – и да, как говорится, чтобы два раза не вставать... Да, теперь Брауни-Холл перешел к Офелии, она единственная наследница. И я надеюсь, вы достаточно здравомыслящий человек, и не станете обвинять Офелию в убийстве отчима только потому, что она унаследовала дом, и не станете говорить, что я выгораживал Офелию, потому что она моя невеста.

– Ну что вы... конечно же, нет.

– Отлично, я всегда считал вас умнейшим человеком. Я знал, что вы поймете, что скрипку невозможно понять...

– ...а вот тут вы ошибаетесь.

– Простите?

Повторяю:

– Вы ошибаетесь. Вчера вечером вы так ловко запудрили мне мозги... До сих пор в моих фантазиях живет образ ди-

кой скрипки, которая поет свои мелодии в глухом лесу при свете полной луны... К вашему несчастью вы связались с человеком, который не совсем забыл программу музыкальной школы... первые занятия, история скрипки, Андреа Амати скрещивает ребек, фидель, кроту, кобыз, виолу... долгие годы селекции виол, и получается скрипка... Я еще готов признать, что дикий ребек или кобыз прибился к человеческому жилью откуда-то из бескрайних степей и пустынь, и природный нрав этих инструментов не всегда был понятен человеку... Я могу представить, как ребаб-эль-могани вырывался из рук музыканта и улетал в темноту ночи... Но не скрипка, ни в коем случае не скрипка, которую вывели искуснейшие европейские заводчики! Кому как не мне лучше всех знать, как предана скрипка своему хозяину!

Офелия смотрит на меня, бледнеет:

– Вы...

– ...полиция будет через минуту.

Неловкая пауза.

– Вот так, значит... гениальный скрипач... не менее гениальный знаток человеческих душ... так вы о себе говорите? – спрашивает Вайлин.

– При всей моей скромности... да, так.

– Человеческих душ... ну-ну... и что же вы знаете о человеке?

– Достаточно, чтобы...

– ...а вы можете сказать, когда был одомашнен человек?

– В смысле?

– В смысле. Кто и когда привел людей из дикого леса в города? Кто приучил человека к цивилизации? Кто?

– М-м-м... сказку какую-то помню... Киплинг, что ли... человек был дикий, а женщина его приручи...

– ...стоп-стоп-стоп, женщина-то тоже человек, вы что, женщину за человека не считаете? И мужчины и женщины дикие были... кто их в города привел? В дом?

– Э... книга?

– Друг мой, когда книги одомашнили? Вам про Гутенберга напомнить, который одомашнил печатный станок, а там и книги?

– Тогда... огонь?

– Опять мимо.

– Тогда не знаю.

– Вот то-то же. Никто человека не приручал, человек так дикий и остался... с тех самых пор, как первобытные люди выходили из леса, подбирались к пустым домам, принюхивались к запахам жареного мяса, пряностей, в страхе смотрели на огонь, такой пугающий и такой манящий... осторожно входили в дома, примеряли на себя махровые халаты в клетку, кутались в пледы... пробовали чай из чашек...

– Вы полагаете...

– ...это очевидно. Никто не одомашнивал человека, никто не отбирал самых покорных и адекватных особей, люди просто пришли... просто... пришли... и мы ничего про них...

не знаем...

Хлопает дверь, смотрю на констебля, из-за его широченной спины выглядывают еще двое полицейских, ага, быстро явились...

Спохватываюсь:

– Офелия?

Вайлин беззвучно смеется.

Понимаю.

Все понимаю.

Думаю, как далеко успела улететь Офелия – что-то подсказывает мне, что она не взяла машину, и не оседлала быстрого скакуна на конюшне, а воспользовалась обычной метлой.

Так или иначе, полиции придется немало потрудиться, чтобы найти её... если вообще получится найти...

Понимаю, что мне ничего не остается, как с позором удалиться прочь. Что-то еще не отпускает меня, что-то, что-то...

А.

Ну да.

Спрашиваю, как можно строже:

– Кому вы отдали скрипку?

Вайлин откашливается:

– Я не обязан...

– Вы лжете! Что вы сделали со скрипкой? Где она?

– Я не обязан объяснять, кому...

Понимаю, что ничего не добьюсь. Ни-че-го. Остается только сжать горло Вайлина, колотить врага, пока не сознается, что сделал с несчастной скрипкой. Но под пристальным взглядом констебля я не схвачу Вайлина за горло.

Внезапная догадка осеняет меня, бросаюсь в глубину дома, кухня, кухня, где у них кухня, вот она, выбегаю через кухонный черный ход, мусорка, мусорка, должна быть мусорка, так и есть, роюсь в жестяных ящиках, гнилостный запах бьет в лицо, тошнота подкатывает к горлу, начинаю потихоньку внушать себе, что там ничего нет, ничего...

...есть.

Вытаскиваю то, что осталось от скрипки, прижимаю к груди, инструмент отзывается жалобным плачем. Бегу – через ночь, через дождь, через снег, через подступающий холод зимы – скорее домой, нет, не домой, к тестю, уж не знаю, что он скажет, когда увидит эту скрипку...

Мысли бьются в голове перепуганными бабочками, Вайлин, Вайлин, что за ересь он нес, а если не ересь, а если он знает что-то, чего не знаем мы... Кто мы такие, кто приручил нас, кто привел нас из леса, а если правда никто, а скрипка, а точно ли был Андреа Амати, или не было никакого Амати, а были дикие скрипки в темной чаще, пели свои дикие мелодии в свете полной луны...

Запретное слово

Генерал смотрит на меня. Холодно. Насмешливо. Я уже знаю, что это генерал, хоть он и не говорил мне, тут нечего говорить, тут достаточно чувствовать...

– Так что же вас привело сюда? – спрашивает генерал. Спрашивает холодно. Насмешливо. Он знает что-то, о чем я не догадываюсь, – вы пришли сюда... привели свой народ... зачем?

Откашливаюсь:

– Здесь... здесь нет войны?

– Вот вы какой проницательный... Еще не были в нашей реальности, а уже все знаете...

– Ну... книжки про вас читал...

В бескровном лице генерала первый раз появляется какое-то подобие интереса:

– Надо же как... расшифровывали?

– Ну, не зря же на лингвистике учился...

– Ну и что же вы там... читали?

Снова холодная насмешка.

Снаряд разрывается где-то совсем близко.

– ...что у вас не бывает войны... в вашей реальности...

– Что, прямо так и написано было, не бывает войны?

– Ну, не так... понимаете... ни в одной из книг не упоминалось слово «война». Этого слова у вас...

– ...не существует, – кивает генерал, – я узнал его от вас...

– ...но...

– ...хотите знать, почему?

– М-м-м-м... табу на слово?

– Мимо, уважаемый, мимо...

– Тогда... не... не знаю. Не могу знать...

– А ведь все очень просто... Уважаемый... когда вокруг чего-то слишком много... оно становится обыденностью... его перестают замечать... для него не нужно слова...

– Хотите сказать, война здесь была...

– ...всегда.

Первый раз вижу во взгляде генерала что-то кроме насмешки, надежду какую-то. Он ждет, что я расскажу ему про свой мир, мир, в котором иногда – иногда – бывает мир....

...не успеваю, вселенная раскалывается на куски, разнесенная взрывом...

Страна уходит в портал

Абиссиния, говорит отец.

Мы с сестрой вздрагиваем, спешим к отцу, пытаемся понять, что нужно, воды подать, или чаю покрепче, как отец любит, или...

– ...Абиссиния.

– А?

– Абиссиния.

Киваю. Тут, главное, кивать и соглашаться, не спорить, сердце, все-таки...

– Ты что, не понял? Абиссиния!

– Ну... да...

– Но... где она?

– Она...

– Карту! – отец срывается на крик, – карту! Живо!

Разворачивает карту, даже не напоминаю, что можно посмотреть на экране.

– Вот... вот... ты скажи мне, где Абиссиния, где? Нету!

Нет! Куда делась? Куда?

– Э-э-э...

– Она ушла... ты хоть понимаешь, что страна ушла в другое измерение?

Даже не успеваю возразить.

– Мы нашли его... нашли...

– ...ч-что нашли?

– Портал! Портал в четвертое измерение, что непонятно-то?

– Но...

– ...едем туда.

Я не успеваю ничего возразить. Я первый раз вижу какие-то проблески жизни в глазах отца, первый раз – за столько лет...

– Собирайся... собирайся давай!

Мы с сестрой подсакиваем как ошпаренные, несемся вниз по лестнице, пакуем чемоданы. Агнесса еще пытается что-то возразить, а не опасно ли для отца – я не хочу слышать никаких возражений, я уже понимаю, что вернет к жизни моего отца. На год. На два. На десять лет...

– ...что сегодня?

Агнесса подает ужин, отец вопросительно смотрит на меня.

Осторожно отвечаю:

– Пока... ничего не нашел...

Тут же добавляю поспешно:

– Ну, ты же понимаешь, это не один день искать придется, и не одну ночь... и вообще...

Отец кивает. Он понимает.

Снова вижу, как горят его глаза.

– ...что сегодня?

Откашливаюсь:

– Мне кажется... к востоку отсюда в пустыне что-то есть...

– Это хорошо... – отец оживает, – очень хорошо.

Я видел какие-то всполохи... мне кажется... Абиссиния должна быть там...

Отец смотрит на меня, снова вижу в его глазах проблески жизни:

– Мы найдем её... найдем...

Киваю:

– Обязательно.

Делаю вид, что ищу порталы.

Я не скажу ему об Эфиопии.

Не скажу...

Молесоград

Летят копыя.

Стрелы.

Звенят мечи.

Здесь идет битва, я знаю, здесь идет битва.

Стараюсь понять, – почему.

Наконец, что-то начинает до меня доходить, слишком медленно, слишком смутно. Вон те, под светлыми знаменами – они хотят, чтобы здесь был город. Красивый город, с дворцами и замками, проспектами и бульварами, храмами и уютными домами, в которых хочется жить.

Вон те – под темными знаменами – хотят, чтобы здесь был лес, густой, душистый, шумящий, с зелеными дубравами, с буковыми рощами, с шепчущими ручьями, где в тени трав можно найти цветок папоротника.

Вон те – с синими знаменами, – хотят, чтобы здесь было море, большое, шумящее, глубокое, бездонное – с коралловыми рифами, с разноцветными рыбами, с затонувшими кораблями, хранящими несметные сокровища и несметные тайны.

Летят копыя.

Стрелы.

Звенят мечи.

Я смотрю на них. Я не понимаю их. Потому что я вижу

здесь уютный город с изогнутыми улочками, я вижу здесь игру света и тени на тропинках шумящего леса, я вижу, как волны бескрайнего моря накатываются друг на друга. Я пытаюсь понять, что здесь было раньше, что потом – не могу, время для меня сливается в единое и неразрывное целое.

Когда-нибудь они тоже так научатся.

Когда-нибудь.

Я даже знаю, когда это случится – через какой-то миг, пытаюсь перевести в их время, вытянутое в струну, не получается – мне чудится то двести лет, то двадцать, то две тысячи.

Для меня это не имеет значения.

Я пытаюсь достучаться до их сознания, я пытаюсь объяснить им, что нужно только подождать – они не понимают, стрела вонзается в меня, пронзает насквозь, я не чувствую...

Я вижу, как они падают замертво.

Один за другим.

Один за другим.

Я пытаюсь закрыть их своими крыльями, не могу, стрелы проходят сквозь мои крылья.

Я еще не верю, что люди погибнут.

Все.

Все.

Что некому будет через какой-то миг научиться сворачивать три времени в одно, некому будет жить в городе, где шепчет лес и плещется океан, некому будет жить в лесу, где плещется океан и шумит город, некому будет жить в океане,

где шумит город и шепчет лес...

...еще не верю...

...что не будет меня...

Даркер

Сегодня он уедет из Глазго, думаю я.

Смотрю на заголовки статей, на сами статьи, которые говорят мне, что Глазго переживает не лучшие времена, некогда богатый промышленный город приходит в упадок, люди тянутся прочь из города в поисках лучшей судьбы где-то там, в столице.

Киваю.

Как я и предугадал – сегодня он уедет из Глазго.

Двадцатого мая двадцатого года.

Даже не сразу спохватываюсь, что его не существует, что я его придумал, черт меня дери, я же его выдумал, Джека Даркера, его же нет...

...а сегодня он уехал из Глазго.

Его нет, говорю я себе, его не существует.

А он берет свой чемодан, тьфу, какой чемодан, сумку какую-нибудь берет, или рюкзак, нет, скорее, сумку, садится на поезд, или в самолет, нет, самолет ему дороговато будет, лучше на поезд, или сначала в автобусе в каком-нибудь трястись будет, потом на поезде, потом в Лондон...

...он уничтожит мир.

Я знаю.

Просто.

Он уничтожит мир.

...никто и не думал, что в середине двадцать первого века в Лондоне будут звучать призывы очистить страну от мигрантов, вернуть былое величие Английской короне...

...это из моей книги.

...рукописи не рецензируются и не возвращаются.

...рукопись отклонена.

Вот так.

Тридцатого ноября.

Сегодня он начнет войну.

Нет, не сегодня, – через двадцать лет.

ЯНДЕКС

НАЙДЕТСЯ ВСЕ

ШАНСЫ ВЫЖИВАНИЯ В ЯДЕРНОЙ ВОЙНЕ

В отчаянии листаю страницы, в отчаянии решаю, кому верить, кому не верить, поставить точку, когда наступит час Икс, и Даркер повернет ключ (сейчас красные кнопки не нажимают, сейчас поворачивают ключ), или начать второй том с того момента, как кто-то из выживших поднимется на поверхность из убежища, посмотрит на выжженную пустыню

или пустыню, заметенную черным снегом...

Автор, вы хоть в курсе, что после ядерной войны ваааще ничего не останется?

Или там:

Автор, вы хоть в курсе, что один-два локальных взрыва вообще ничего не решают, планета и не заметит?

...хотя насчет «не заметит» это я уже загнул.

Да пошли они все.

Пропади.

Пропадом.

...рукопись отклонена...

ДАТА РОЖДЕНИЯ

17 ФЕВРАЛЯ 2005 ГОДА...

...Нет, тогда он не сможет уехать из Глазго в двадцатом году, в пятнадцать лет рановато... хотя что рановато, поедет куда-нибудь учиться...

СО СКОЛЬКИ ЛЕТ ПРИНИМАЮТ В ОКСФОРД...

...хотя насчет Оксфорда я тоже лишнего загнул, если из бедной семьи, откуда у него деньги на Оксфорд, ему бы что попроще... или он не знал, что деньги нужны, просто взял и поехал в никуда, ага, вот так, в век интернета просто взял и поехал...

Был он женат?

Скорее всего нет. А если и был, то там непременно было что-то трагическое, чтобы сердце в ключья, чтобы... не знаю... да ты обо мне еще услышишь, да ты сейчас так говоришь, потом пожалеешь, что отвернулась... или наоборот, да я умру, если ты уедешь, – это она, а он понимает, эта девчонка из провинции ему не пара, ему бы посерьезнее что, и уезжает, а дальше много там чего будет, потом запутается сам в себе за столько-то лет, а потом застучит в висках, загрохочет – назад, назад, домой, там, где она, у неё глаза цвета... цвета... цвета молочного шоколада, и волосы такие же, и пахнет от неё шоколадом, духи у неё какие-то такие были или гель для душа... И забьется заледеневшее за годы сердце, домой, домой, немедленно подайте машину, мой командир, это невозможно, слишком опасно... Пусть его называют не господин премьер, а мой командир, мне так больше нравится... А потом – сухие сводки новостей, Глазго сметен с лица земли, и понимает, что опоздал, опоздал, безнадежно...

...бережно продумываю его биографию, смотрю в бес-

кровное лицо, на льдистые глаза, посаженные слишком близко, на светлые, почти белые волосы, – нашел это фото где-то в Сети, показалось – похож на того, которого я выдумал...

...трепетно собираю мельчайшие детали биографии, родимое пятно на шее – в форме британских островов, никто так и не узнает никогда, что это, татуировка или правда родимое пятно...

ЛОНДОН
КАРТИНКИ
ЛОНДОН
КАРТЫ

...хожу по улицам виртуального города, стараюсь запомнить все до мельчайших деталей, он будет ходить по этим улицам, нет, не будет он ходить, будет ездить, нет, это уже потом, сначала будет бродить по улицам, теряться в толпе, может, там же его и обчистят в первый же день, да не может, а обчистят...

...вынуждены отказать вам в визе по причине того, что вы не предоставили информацию о доходах...

...интересно, как бы я её предоставил...

– ...ну вы сами посудите, десять тысяч, ну это что такое?

Чуть больше ста фунтов, это для них вообще не деньги!

Киваю.

Понимаю.
Не деньги.

...мировое сообщество больше не намерено терпеть захватнические действия Великобритании...

...нет, не так...

...Америка и Китай требуют от Великобритании немедленно...

...тоже не так...

— ...да что он хочет, да ничего он не хочет, сидеть и писать...

...мне двадцать лет.

С небольшим.

За окнами завывает буран.

Сегодня он родился.

Сегодня семнадцатое февраля две тысячи пятого года. Я еще думал обставить его рождение как-нибудь по-особенному, смерть матери, или сирота без роду без племени... тут же понимаю, что это уже лишнее, пусть его детство будет самым обыденным, пусть – ничего особенного, до того момента, как приедет в Лондон, да и после тоже, пусть будет неприметный секретарь при ком-нибудь там, не знаю, при ком, а потом...

...горло дерет нещадно, я и забыл, что в феврале пятого

года у меня ангина была...

Смотрю в бескровное лицо, в льдистые глаза, пытаюсь понять, какой у него голос, о чем он думает, курит, или нет, и если курит, то как...

— ...уважаемые пассажиры, через сорок пять минут наш круизный лайнер прибывает в Дувр...

Сердце подпрыгивает, какой Дувр, когда Лондон, а, ну да, конечно, порт Дувр...

...добрый день! Высылаю вам свою рукопись...

...рукопись отклонена...

...сегодня тридцатое ноября пятьдесят первого года.

День, когда все началось.

И когда все кончилось.

День, когда он повернул ключ.

Не думал, что у меня в этот день так будут ныть суставы, а это еще что возле кровати, незнакомые названия, незнакомые лекарства, знать бы еще, как пить, как часто и по сколько, и что-то подсказывает мне, что если не выпью, будет очень плохо...

Поэтому и не люблю будущее, а что делать, приходится бывать здесь, в день, когда он повернул ключ, и в день, когда

он из неизвестного человека был назначен премьером, и...

...ветер, пронзающий до костей.

Холод.

Холод-холод-холод, вот это запомнить, да это и не забудется, такое на всю жизнь в памяти гвоздем засядет. А вот что еще запомнить, что еще, толпу на набережной, тоже толпа не забудется, дождь проклятуший, тоже... серое все какое-то, зловещее, хочется бежать от всего этого в тепло, зарыться под одеяло, вот, Даркеру тоже хотелось спрятаться, когда первый раз сюда приехал, и когда выступал здесь, перед людьми, и пусть гид не врет, что тут солнце бывает, нет здесь никакого солнца, это где-то там, на востоке, а на этом острове солнца нет...

...запомнить... что еще...

– Ай эм сорри...

Не понимаю, почему он извиняется, ведь это я на него налетел, а не он на меня, а он извиняется. Это вот тоже запомнить, на них налетишь, они извиняются...

...смотрю в бескровное лицо.

В льдистые, близко посаженные глаза.

Узнаю...

...обвиняется в убийстве туриста из Латвии, на которого набросился с ножом...

...ваша рукопись отклонена...

Похищенный

Сегодня меня кто-то похитил.

Вот так – ни здравствуйте, ни до свидания, не было ничего такого, что случается обычно, не хватали на улице, не захивали в машину, не оглушали ударом, не зажимали рот, не связывали, не поили в баре какой-то дрянью, не... много всяких – Не.

А вот похитили.

Все так обыденно, так просто, просыпаюсь – а меня нет.
Нет.

Я еще подождал немного, ну, мало ли, может, вышел куда, в магазин, или утром по парку пробежаться (ха-ха, не смешите меня, можно подумать, кто-то когда-то видел, как я по парку бегал) – нет, время шло к двенадцати, меня не было.

Дрожит телефон.

– Алло, слушаю.

– Я стесняюсь спросить, вы на работу-то собираетесь?

– Так меня... меня нет.

– То есть?

– Ну... украли меня... или я не знаю, что...

– А-а-а, это дело серьезное... в полицию обращались?

– Да... вроде три дня ждать надо...

– Чушь собачья, три дня ждать, живо в участок, слышите меня? С этим шутить не надо... у меня так племянника

убили...

– Ну а с чего вы взяли, что вас именно украли?

Смотрю на следователя, понимаю, что ответить мне нечего.

– Ну... слушайте, я себя знаю, я сам просто так уйти не мог, вот так вот, ни здравствуйте, ни до свидания...

– Ну... увлечения, интересы у вас какие-то были, чтобы вот так уйти?

– М-м-м... да нет...

– А то у нас случилось, вот подросток пропал, оказалось, он в морское училище поехал...

– Да какое там морское училище, я от воды как черт от лаdana...

– Ну, не в морское...

– Да не мог я... слушайте, честное слово, украли меня!

Следователь откашливается:

– Вот что, не бывает так... один должны были требования какие-то выдвинуть... кто похитил... миллион долларов там... или самолет...

– Да где ж я возьму...

– ...да нигде не возьмете, найдем мы похитителей... найдем...

Вечером я не вернулся. Наутро тоже. А еще на следующий день случилось вот что...

– ...они выдвинули требования.

– Что, простите?

– Они выдвинули требования...

– И... что они хотят?

Сглатываю:

– Это... это невысказано...

Следователь хлопает ладонью по столу:

– Что? Они? Требуют?

– Они требуют... чтобы я пошел на ракетостроение...

– Ну, так в чем проблема, идите!

– Э-э-э...

– ...слушайте, вы хотите, чтобы вас вернули или нет? Или добиваетесь, чтобы убили вас ко всем чертям?

Давлюсь собственным голосом.

– Ну, честное слово... из меня ракетостроитель, как...

– ...да и из меня тоже. Ну а вы что, хотите, чтобы убили вас?

– Да понимаете... ну, в детстве баловался, придумывал что-то, даже это, ракету сочинил, которая быстрее скорости света летает...

– Вот и займитесь этим.

– Так это вся жизнь уйдет...

– ...слушайте, вы хотите, чтобы вас живого вернули, или нет?

– М-м-м-м...

– Ну, так и вперед, и с песней... не боги горшки обжигают, выучитесь...

– Слушайте, они озверели вообще...

– Кто озверел? – следовательно настороженно смотрит на меня.

– Эти... похитители...

– А что такое?

– А то... они же теперь что потребовали...

– Слушайте, если вы хотите жить, выполняйте все, что они скажут.

– И тогда... меня отпустят?

– Должны.

– Думаете?

– Уверен... обычно отпускают, если все сделать, как скажут... Так что они вам велели-то?

– Не поверите... чтобы я с шашлыком завязывал.

– В смысле?

– Ну... в смысле, чтобы шашлык есть перестал.

– Так перестаньте, делов-то!

– Ну, вы и сказанули, делов-то! Да это можно сказать, смысл жизни... вот так вот... угольки разжечь, мяско замариновать...

– Ой-ой-ой, душу не травите, мне еще работать и работать, до выходных, как до Второго Пришествия... дело-то ваше, только хотите, чтобы вас живого вернули, так слушай-

тесь...

Понимаю, что нужно слушаться.

Звякает что-то в пустом доме.

Прошибает холодный пот, вот черт, а я был уверен, что в доме никого нет.

Буквально – никого, потому что меня украли.

Обхожу дом – медленно-медленно, шаг за шагом, готовый каждую минуту получить удар по макушке, – не сразу вижу конверт на полу в прихожей, не сразу понимаю, что звякнул почтовый ящик.

Кидаюсь к конверту, тут же спохватываюсь, дрожащими руками натягиваю перчатки, дрожащими же руками беру конверт.

Разворачиваю.

На ковер падает альбомный листок, узнаю какие-то свои юношеские каракули, рисовать пытался, я и не думал, что этот листок живой еще, а вот нате вам, выпал, дракон какой-то, башня какая-то, понять бы еще, что это значит...

– ...ну, тут сложно... на востоке дракон олицетворял добрые силы, мудрость, процветание... А вот в западной культуре дракон, наоборот, считался абсолютным злом...

– А башня?

– Ну, башню тоже можно трактовать по-всякому, например, желание возвыситься, подняться над всеми... или же-

вание спрятаться от проблем, укрыться в башне...

Обреченно смотрю на следователя, понимаю, он тут мне ничем не поможет.

– А если... таро какое-нибудь, к астрологу к какому-нибудь обратиться?

– Тут к психологу, скорее...

– А он-то тут зачем?

– Ну как же... это ж ваш рисунок, вы лучше себя знаете... вот и поди, разбери, что вы там нарисовать хотели, отношения с отцом там или обиду на мать... Из-звините, это я так, к слову... нет, правда, было такое, подросток один пропал, отец, крутой бизнесмен, всех на уши поставил, а потом на рисунки парня этого посмотрели, там все сплошь он с матерью на рисунках... в деревне... Вот там-то его и нашли...

– Ну а я себя, значит, в башне искать должен с драконом, да?

– Ну, не буквально... но думайте, думайте...

Думаю, думаю. По дороге домой не удерживаюсь, парк пронизывает крепкий шашлычный дух, почему-почем-почем, да вы без ножа режете, куда такие цены, ладно, давайте, что с вами поделаешь... вонзаю зубы в сочное мясо, м-м-м-м, счастье есть...

– ...это... это что еще такое?

Оторопело смотрю на кусок окровавленного мяса в запечатанном пакете, это что-то новенькое...

Следователь прищуривается:

– Скажите... вы его условия не нарушали?

– Чьи... условия?

– Похитителя, чьи же еще!

– Э-э-э...

–нарушали?

– Ну... один раз всего...

– ...да им какая разница, один, не один! Что сделали?

– Шашлычок... это...

– Ну, вот вам и шашлычок ваш...

Смотрю, все еще не могу понять, что я вижу.

– Ну а что, по-вашему, делают похитители, если вы нарушаете правила игры?

Догадываюсь. Но все еще не верю.

– ...начинают по кусочку отрезать от похищенного, что еще-то? Вот вам результат.

– Мой... палец?

– Ну а сами посмотрите, сильно это на палец похоже?

– М-м-м-м...

Наконец, не выдерживаю:

– Что это? Что это, черт возьми, такое?

– Желчный пузырь ваш, не узнали?

– Да что-то раньше никогда не видел...

– Да уж могли бы догадаться по тому, как вас порезали...

– Черт... а что они в следующий раз отрежут?

– А это от вас зависит, будете вы их слушаться, или нет...

Холодеют руки...

– ...да не бойтесь вы, обычно всех возвращают...

Сжимаю зубы. Утешил так утешил. Возвращают. Следовательно начинает вспоминать какие-то примеры, вот тоже украли, вот тоже было ни слуху, и ничего, вернули...

...спохватываюсь.

– А я понял, чего они этот листок мне подсунули...

– И чего?

– А я раньше рисовать пробовал... комиксы всякие, драконов всяких... бросил потом...

– Вот как?

– Ну... теперь, похоже, придется снова начать...

– Придется.

– Да они охренели, это мне и там, и там...

– Ну а что поделаешь...

Взрываюсь:

– Да вы что, похитителя найти не можете?

– Ищем... ищем...

Сжимаю кулаки, ищут они, ни черта они не ищут...

Ни черта...

...ну, кому там нейметя, некогда мне, некогда...

Телефон надрывается, а ведь нейметя же кому-то, блин, сказал же всем, сказал же, не трогать, не трогать меня, пять секунд до старта, стальная башня готова взмыть в небо, расправить крылья, ощериться стальным драконом...

Жму на зеленую клавишу, черт бы вас всех побрал...

– ...слушаю...

– ...мы по поводу похищения звоним...

Падает сердце. Вот так. Похищение. Похищение, о котором я уже и думать забыл, по инерции развешиваю объявления, разыскивается, разыскивается, разыскивается, по инерции звоню в полицию, чтобы услышать – ничего не нашли...

– Вы из полиции?

Тихий смешок.

Все понимаю.

Вдох-выдох.

– Что... что вы еще хотите?

– А вы себя забрать не желаете?

Настораживаюсь, тут все не так просто, подвох какой-то...

– И... и что я должен сделать?

– Так подъезжайте на адрес, мы вам диктуем...

Меня передергивает:

– Ловушка?

– Сами вы ловушка... Ну, не верите, ну можете с собой наряд полиции притащить, нам жалко, что ли...

Не выдерживаю:

– Некогда мне... у меня запуск...

– А-а-а, знаем, знаем... удачи вам... Вот после запуска и подъедете, заберете себя...

Что-то мне не нравится, что-то настораживает:

– Вы там часом... не убили меня?

– Что вы, что вы, как можно... зачем нам это... убивать...
...старт.

Стальная башня с ревом и грохотом несется к далеким звездам...

...жму на газ.

Выжимаю до двухсот.

Мне страшно, вот теперь мне по-настоящему страшно, я не знаю, что я увижу там, по адресу...

...только сейчас понимаю, что я знаю этот адрес, слишком хорошо знаю, ну, привет, ну, привет, еле вырвался, а мама говорит, ты мне не пара, а ты её меньше слушай...

Нет.

Ошибка какая-то.

Набираю номер, с которого только что звонили, не верю, что ответят.

– Алло.

Так и есть, это её голос, так и есть, ошибка какая-то, посмеялись, привезли черт знает куда...

...выхожу из машины перед её домом.

Запах жасмина обдает со всех сторон.

– Берта...

Берта смотрит на меня в недоумении:

– А ты... а ты чего?

Я сам не понимаю, я – чего. Берта хлопчет, да ты заходи,

что как не родной, кофе тебе налить, или покрепче чего...
Наконец, набираюсь храбрости, спрашиваю про Берту, ты-то как, замужем, как не замужем, быть того не может...

Берта обнимает меня, сильно, крепко, мой, мой, мой, никому не отдам...

Спохватываюсь:

– Стоп, меня же похитили.

– К-кто похитил?

– Да не знаю я, кто, уже который год найти не можем!

– Стой... что ты говоришь вообще такое... ты же вот он...

Вот он...

Начинаю понимать.

Вот он я.

Вот он.

Отключенная правда

Сегодня я покажу им правду.

Им.

Всем.

Люди этого еще не знают, люди сидят за столиками, ужи-
нают, кто-то выговаривает официанту, вы мне что принесли,
вы хоть заказ-то читаете перед тем, как сюда тащить, или ка-
кая разница, один хрен посетитель все съест и не подавит-
ся....

Они еще не знают, что случится.

Они смотрят на экраны, какие-то бредовые шоу, кто напи-
шет сообщение в машине, несущейся на полной скорости...
никто не напишет, все разобьются насмерть, а люди смотрят,
а людям интересно...

Сегодня они узнают правду.

Сегодня.

Захожу в Настройки.

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ ОТКЛЮЧИТЬ?

Я действительно хочу отключить.

Отключаю.

Люди вздрагивают, люди смотрят, люди не понимают, как,
почему, откуда, что это такое вообще по ту сторону экрана...

Окно, объясняю я им, окно.

Готовлюсь объяснять дальше, а нет, уже не надо, я вижу

понимание в их глазах, я вижу, как они что-то вспоминают, что-то, чего, возможно, никогда и не помнили, не знали, а знали их предки когда-то давно...

Бросаются к окнам.

Все.

Разом.

К окнам, за которыми шумит бескрайнее поле с редкими рошицами.

Выскакиваю за дверь за секунду до того, как слышу звон разбитого стекла.

...заблокирован седьмой отсек...

Это в новостях.

И я даже знаю, почему.

...разыскивается особо опасный преступник...

Это тоже в новостях.

И я тоже знаю, почему.

Меняю лицо, третий раз за день. Чаше не надо.

Оглядываю кафе, сидящих людей.

Они еще не знают, что их ждет.

Еще не знают.

Захожу в Настройки.

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ ОТКЛЮЧИТЬ?

...действительно хочу.

– ...вы арестованы.

Мне уже даже не страшно, я устал бояться, слишком устал. Даже как-то легче на душе стало, когда они подошли ко мне, парализовали, обездвижили, что за мода пошла, парализовывать, или это так с особо опасными преступниками поступают, ого, я уже до особо опасного дослужился...

– Вы обвиняетесь...

Я его узнаю. Это вытянутое обескровленное лицо смотрит со всех плакатов.

Хочу улыбнуться, но понимаю, что это будет лишнее.

– Обоснуйте.

– Что, простите?

– Обоснуйте. Меня там не было, когда все случилось.

Во все этих... кафешках.

– А где вы были?

– Э-э-э... – чувствую, как земля уходит из-под ног, – а когда это все случилось-то?

Он называет даты.

Хмурюсь.

– Слушайте, чесслово, не помню я, что тогда делал...

– Ну а примерно хотя бы?

– И даже примерно нет... или дома был, или знаете, как бывает, с работы вышел, сюда пошел, туда пошел, все завертелось...

Тихие смешки.

– Ладно... свободны.

Еле сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть. Думаю, в который

раз меня отпускают. В пятый. Нет. В шестой. Нет, в...

...не знаю.

Хочу сменить маску. Ладно, не сейчас, где-нибудь часика через два.

Смотрю вслед тому, с изможденным лицом, почему-то представляю себе, как он сейчас возвращается домой, ложится в горячую ванну или куда там, у него мигрень, наверное, будет тут мигрень, сколько людей уже разбежалось, так вообще никого не останется...

...заблокирован десятый отсек...

Это в новостях.

И я даже знаю, почему.

...разыскивается особо опасный преступник...

Это тоже в новостях.

И я тоже знаю, почему.

Они еще не знают, что их ждет.

– ...вы арестованы.

Понимаю, что не успел сменить маску.

Да это и неважно.

Последний отсек освобожден.

– Масочку забыли поменять? – тот, с бескровным лицом, насмешливо смотрит на меня, – могу предложить на выбор...

– Да у меня и свои получше.

– Можно взглянуть? Сами делали? М-м-м-м, здорово...

Н-да-а, если бы не это вот все, работали бы вы масочником...

– Да я и так...

– ...считайте, что уже не работаете. А ловко у вас получалось....

Киваю:

– Ловко.

Он ведет меня в кабинет, он разливает что-то по бокалам, уже думаю, что пить не буду.

– А зря, – кивает он, – хороший коньяк. Больше таких не делают...

Все-таки отрицательно мотаю головой.

– А хотите правду?

– Простите?

– Правду... хотите?

– То есть?

Он подходит к экранам, идет в настройки.

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ ОТКЛЮЧИТЬ?

Он отключает.

Смотрю на черную пустоту, ощеренную звездами.

– Дальше показать?

Не могу сказать «нет».

Он переключает экраны, я вижу записи из кафе, как я отключаю экраны, люди бросаются к окнам, люди пытаются разбить их, не могут, наконец, снимают замки...

Мертвые тела там, в черном небе.

Я вижу, как стальные манипуляторы подхватывают мертвые тела, уносит куда-то в дальние отсеки...

...я не замечаю, как подают стейки.

– Хорошие стейки, – говорит он, с бескровным лицом.

– Хорошие, соглашаюсь я.

На наш век хватит, говорит он.

Хватит, киваю я.

А вы молодец, говорит он.

Я молчу.

А я все видели

А я видели.

Я оторопело смотрим на сигнал оттуда, откуда – оттуда, черт пойми. Ошибка какая-то, говорим себе, ну, конечно, ошибка, быть того не может, чтобы вот так...

...а вот так.

А я видели.

Видели.

Где-то там, там.

Ну, конечно, что я хотели, можно подумать, вселенная пустая и мертвая, можно подумать, во вселенной все улетает бесследно в никуда.

А вселенная – она такая, она все помнит, она все видит, и что было где-то там, когда-то там, – высветится через миллиарды световых лет, через века и века...

А я видели, что ты делали.

Еще пытаемся отмахнуться, отвернуться, мало ли какой сигнал пришел, уже понимаем – не отвертимся.

А я видели.

А я всем расскажем.

И уже понимаем – не отвертеться, не отмахнуться, и правда – он всем расскажут, кто он – не знаем я, но расскажут.

«Неслыханный позор величайшей цивилизации всех времен...»

...это будет.

А я расскажем.

Я понимаем, что отступить поздно, я посылаем сигнал:

Что ты хотите?

Я понимаем, что это не просто так, я уже догадываемся,
зачем мне говорят —

А я видели.

Я ждем ответа.

Ждем ответа, из поколения в поколение передаем – ждем
ответа.

Ответ приходит, когда его уже никто не ждет, когда я уже
толком не помним, что был за вопрос, что за ответ, ответ
приходит – и я в гневе отвечаем самим себе, что никогда
в жизни не сделаем это, никогда-никогда.

Кто-то уже собирается слать сигнал отказа, я обрываем
кого-то, я думаем.

Я понимаем, что у меня нет выбора.

Я запрашиваем координаты.

Я ждем.

Координаты приходят – когда их уже никто не ждет, я пы-
таемся вспомнить, что за координаты, откуда, зачем, ошибка
какая-то...

...нет.

Никакой ошибки.

Я движемся в сторону, указанную в координатах, я пони-
маем, что это займет еще тысячи лет, если не больше, я вы-

сылаем сигнал, я просим подождать, я объясняем...

...он указывают сроки.

Он требуют.

Я торопимся.

Я боимся не успеть.

Я видим объект, я видим свет далекой звезды, я должны высосать свет далекой звезды, до последней капли, дочиста, я должны передать этот свет бесконечно далеко через вселенную...

Я стараемся не смотреть на то, что живет, вернее, жило под светом звезды, не смотреть на раскидистые леса, не смотреть на шпили причудливых построек, на крошечные фигурки там, вдалеке, огромные головы на трех тонюсеньких ножках... не смотреть, не смотреть, не запоминать...

А я видели.

Я оторопело смотрим на сигнал оттуда, откуда – оттуда, черт пойми. Ошибка какая-то, говорим себе, ну, конечно, ошибка, быть того не может, чтобы вот так...

...а вот так.

А я видели.

Видели.

Где-то там, там.

Ну, конечно, что я хотели, можно подумать, вселенная пустая и мертвая, можно подумать, во вселенной все улетает бесследно в никуда.

А вселенная – она такая, она все помнит, она все видит,

и что было где-то там, когда-то там, – высветится через миллиарды световых лет, через века и века...

А я видели, что ты делали.

Еще пытаемся отмахнуться, отвернуться, мало ли какой сигнал пришел, уже понимаем – не отвертимся.

А я видели.

А я всем расскажем.

И уже понимаем – не отвертеться, не отмахнуться, и правда – он всем расскажут, как я погасили свет далекой звезды, как я погубили раскидистые леса и причудливые шпили, кто он – не знаем я, но расскажут.

«Неслыханный позор величайшей цивилизации всех времен...»

...это будет.

А я расскажем.

Я понимаем, что отступить поздно, я посылаем сигнал:

Что ты хотите?

...я ждем ответа.

Я вспоминаем, я видим сны – одни и те же сны на всех.

Какие-то бесконечно далекие воспоминания из бесконечно далекого прошлого, неведомая сила высасывает свет горячего солнца, раскаленное сияние закручивается в спираль, умирает, я остаюсь наедине с вечным холодом вечной тьмы. Я уходим прочь от убитого солнца, я ищем новое солнце, я прячемся под землю, я забываем свет, льющийся с небес.

Я ищем свет.

Я ищем свет, хотя уже не помним, что это такое.

Я находим свет, я высасываем свет, закручиваем в спираль, я выходим из темноты подземелий навстречу палящему солнцу, я вспоминаем свет...

А я видели.

Я оторопело смотрим на сигнал оттуда, откуда – оттуда, черт пойми. Ошибка какая-то, говорим себе, ну, конечно, ошибка, быть того не может, чтобы вот так...

...а вот так.

А я видели.

Видели.

Где-то там, там.

Ну, конечно, что я хотели, можно подумать, вселенная пустая и мертвая, можно подумать, во вселенной все улетает бесследно в никуда.

А вселенная – она такая, она все помнит, она все видит, и что было где-то там, когда-то там, – высветится через миллиарды световых лет, через века и века...

А я видели, что ты делали...

...я ждем ответа.

Я видим сон, один на всех.

Я видим будущее, я отчаянно пытаемся разглядеть в хитросплетениях будущего, как я вырвемся из кабалы, как останемся в пустоте космоса, предоставленные самому себе, как моего сознания коснется что-то из бесконечной глубины вселенной, далекий отблеск далекой вспышки, звезда, закру-

ченая в спираль, и я скажем кому-то дам, в бесконечном отдалении:

Я видели, что ты делали.

По води, по земи, по небеси...

А Герти-то что натворил...

Что натворил-то...

Вот теперь и думают, что с Герти сделать, на костре сжечь, чтобы другим неповадно было, или на площади выпороть, чтобы другим неповадно было, или голову отрубить, опять же, чтобы другим неповадно было.

Сидят, решают.

А Герти еще оправдаться пытается:

А я осторожно.

Или:

А я недалеко.

Или:

А я тихонечко.

А взрослые сидят, решают, что с Герти сделать, или сразу убить, или под замок посадить, чтоб неповадно было.

Герти даже не говорит, что младшенькая Агни с ним просилась, а он не взял, Герти же понимает, что опасно.

И все на отца Герти смотрят, что-то он в защиту Герти скажет.

А отец молчит, руками разводит, а я что, виноват Герти, значит, виноват, значит, наказать надо.

А Герти что...

А Герти всего-то навсего что сделал-то...

Ну, выдумал Герти, взял дощечки, связал их между собой и по морю пустил, и сам сверху сел, и здорово получилось. А взрослые – нате вам – сидят, решают, то ли розгами высечь, то ли на костре сжечь.

Наконец, решили.

Отцу сдали.

Пусть выпорет, чтоб мало не показалось.

Отец Герти домой ведет.

Сердится.

Дом у Герти большой, богатый, в три этажа, и семья большая.

А отец Герти в кабинет ведет, вот это самое страшное, то-то сейчас будет. Кабинет у отца большой, стол красного дерева и кресла кожаные, вот где жуть жуткая.

Тут-то отец у Герти и спрашивает, а скажи-ка, Герти, вот ты это сделал... а кто-нибудь видел, что ты делаешь?

И Герти головой мотает, а никто не видел.

И отец переводит дух, ну, хвала небесам. И с Герти говорит, непривычно так, спокойно так, ну, ты молодец, умный мальчик, ты давай, с этим завязывай, досточки больше не делай, по морю не плавай, в море не лезь, не велено в море лезть.

И Герти даже возразить не может, что он тихонечко-тихонечко, он вдоль берега, там воды-то по колено было, не утонешь. Ну нельзя, так нельзя, куда деваться-то, Герти мальчик послушный. А так бы еще отцу рассказал, как чудище

морское там видел, хвост у него как у рыбы, а руки человеческие, и глазища во-о-от такенные...

Вечером в храм идут.

Все-все.

Так положено.

Пастырь молитву читает, тоже как положено, люди по земле ходят, птицы по небеси летят, рыбы по води плывут, тому быть, тому не миновать.

Темнеет.

По домам расходятся.

Спать ложатся.

На сон грядущий, конечно, тоже, повторяют, люди по земле ходят, птицы по небеси летят, рыбы по води плывут, тому быть, тому не миновать.

Ночью спят.

Ночью видят сны, красивые сны, про то, как крылатый стальной замок с ревом и грохотом поднимается в небо.

Герти толком не понимает сны, только чувствует, там важное что-то...

Что-то...

А Герти отец выпорол.

И поделом.

Ну, это отец скажет – и поделом.

А Герти так вообще понять не может, за что его выпорол-ли-то.

Герти же как лучше хотел.

Герти же...

Он же давно уже придумал, вот если сделать из фанерки крылья, и на велике разогнаться хорошенько, можно взлететь, высоко-высоко так, ну хоть не до самых облаков, но высоко...

Вот крылья себе сделал, на велик сел, разогнался хорошенько с холма, подпрыгнул, еще думал, ну, сейчас кувырком свалится, а тут надо же как, по-ле-тел, по-лу-чи-лоо-о-о-сь!

А отец увидел, как Герти летает.

И бежит за Герти, орет, а ну быстро вниз, и все за Герти бегут, орут, а ну быстро вниз.

А как вниз, Герти и не знает.

Падает.

Хорошо, отец Герти подхватил, ну и затрещину вlepил сразу же, не сильно, а так, для вида, людям показать, вот, мол, воспитываю.

И домой Герти за ухо тащит, благо, уши-то у всех дли-инные, удобно за уши волочить.

И в кабинет ведет.

И мать хлопочет, отцу шепчет, ты его не сильно уж...

Отец кивает, знаю, знаю...

...а все-таки выпорол.

И приговаривал еще, говорили ж тебе, не летай, не летай, а тебе что в лоб, что по лбу...

А Герти никто такого и не говорил.

Что летать нельзя.

Вечером в храм идут.

Все-все.

Так положено.

Пастырь молитву читает, тоже как положено, люди по земле ходят, птицы по небеси летят, рыбы по води плывут, тому быть, тому не миновать.

Темнеет.

По домам расходятся.

Спать ложатся.

На сон грядущий, конечно, тоже, повторяют, люди по земле ходят, птицы по небеси летят, рыбы по води плывут, тому быть, тому не миновать.

А Герти тихонечко.

Пока не видит никто.

Нет, не летать, нет... Герти тут давно задумал, если шестереночки соединить, ну, как в часах, можно машину самоходную сделать, чтоб сама ехала. Герти и из больших часов в гостинной шестеренки вытащил, к велику прикрутил...

...и поехал.

Герти тихонечко, чтобы не видел никто.

А тут – нате вам! – отец идет, и соседи с ним, совсем Герти забыл, что выходной сегодня, день недельный, вот отец с соседями в тенеvizор идет, представление смотреть с теньями.

А тут Герти навстречу едет.

На шестеренках-то на своих.

Отец увидел, – р-раз, – и в ладоши захлопал, и соседи все в ладоши захлопали, ай, молодца Герти, ай, молодца!

И все к Герти бегут, смотрят, радуются, вот, молодец, парень, ишь, чего выдумал, далеко пойдешь. Ну и отца гертиногo хвалят, хорошего сына вырастил, прямо сокровище, а не сын. И у Герти спрашивают, ты это как сделал-то, ну-ка, давай, чертежи показывай, как, чертежей нет, ох, парень, парень, такой талантище, и не знает, что чертежи делать надо... А мужики, а давайте с башенных часов шестеренки снимем, к телеге прикрутим, ага, нас самих потом мэр куда-нибудь прикрутит, да вот он мэр, тут же стоит, он разрешит, мы его знаем...

И правда, мэр разрешил.

И часы разобрали, и самоходные машины понаделали, а Герти честь и почет, вот как.

Ничего Герти не понимает.

Почему то так, то эдак.

Вечером в храм идут.

Все-все.

Так положено.

Пастырь молитву читает, тоже как положено, люди по земле ходят, птицы по небеси летят, рыбы по води плывут, тому быть, тому не миновать.

Темнеет.

По домам расходятся.

Спать ложатся.

На сон грядущий, конечно, тоже, повторяют, люди по земле ходят, птицы по небеси летят, рыбы по води плывут, тому быть, тому не миновать.

А Герти младшенькой по секрету сказал, что птиц видел. Большие такие, и глаза у них большие, и лица человеческие.

И про рыбу сказал, что видел.

А отец услышал.

И к Герти кидается, и спрашивает, а они тебя видели? Видели?

Видели, говорит Герти, удивлялись еще.

И пугается.

Такое лицо у отца, никогда отец так не смотрел, а тут прямо-таки лица на нем нет.

И Герти обнимает.

И Агни младшенькую обнимает.

Как будто в последний раз.

...вечером все молятся, тоже как будто в последний раз.

Утром на работу идут, тоже как в последний раз, урожай надо убирать, кто-то отмахивается, да на хрена он, урожай этот, на кого-то шикают, надо-надо, нечего тут...

А наутро море загорелось.

И небо.

Море и небо друг друга жгут, кто кого.

Три дня и три ночи горит море.

Горит небо.

Все по домам сидят, прячутся.

Молитвы читают.

К недельному дню море отгорело.

И небо отгорело.

И дым рассеялся.

Люди из домов вышли, люди мертвых птиц подбирают, которые с человеческими лицами, и глазища вот такенные, люди мертвых рыб подбирают, которые с руками, а птицы в доспехах, и рыбы в доспехах, и ружья у них, которые огнем стреляют.

Вот как.

Кто-то говорит – на зиму заготовить можно, кто-то говорит, да какое на зиму, братскую могилу надо. Хотели уже братскую могилу рыть, потом спохватились, что посевы-то погорели все, так что придется на зиму засолить.

Засолили.

Молебен отслужили по усопшим.

Отец только и сказал Герти – твое счастье, что эти тебя за тех приняли, а те за этих, вот и случилось все.

Ложились спать.

Ждали сны.

Сны приходили какие-то не те, неправильные сны, не было в них крылатого замка, летящего в небеса.

Не те сны.

Утром собрали городской совет, а что совет, и так уже все понятно, что случилось, не будет снов, не будет того, что в снах...

Не будет...

Кто-то спрашивает, а кто должен был там быть, эти, которые летают, или эти, которые плавают.

Никто не знает.

Кто так говорит, кто эдак.

А вечером отец Герти к себе в кабинет вызывает.

Вот это страшно.

Герти уже готовится, что розгами отлупят, или еще что.

А отец вместо этого говорит, а ты, Герти, молодец, умный парень, вон, чего только не напридумывал, и по воде плавать, и по земле ездить, и по небу летать...

Герти фыркает, вспоминает, как ругали за досточки по воде, и за крылья в небе. Отец будто мысли Гертины читает,

говорит, никто тебя ругать не будет, вот теперь-то ты свое умение и покажи.

А можешь так, чтобы досточки не просто плавали, а управлять ими можно было?

Так отец спрашивает.

А можно, говорит Герти.

А можно так, чтобы крылья выше поднимались?

Можно, говорит Герти.

А чтобы стальная башня до самых звезд летела, можешь сделать?

Герти головой мотает, да где мне такое соорудить...

А придется, говорит отец.

Герти отпирается, а отец хмурится, а как ты хотел, сам заваруху затеял, твое счастье, что те тебя за этих приняли, а эти за тех.

Так что давай, думай, говорит отец. Ничего, выучишься, ты у меня парень смысленый, правильно соседи говорили, сокровище, а не сын...

Полчасика

А можно я еще поваляюсь?

Ну, еще пять минуточек. Или десять. Или полчаса. Или часок.

У меня вообще выходной, имею право.

Можно, да?

Вот, спасибо. А то я понимаю, вам интересно, чтобы бабах – и сразу действие завертелось, и я на машине из дома выехал, и в меня тут грузовик и врезался...

...извините, я вам пересказывать не должен был, что со мной случится, вам потом читать неинтересно будет, все должно было быть по порядку, я встаю, вспоминаю, что сегодня благоверная моя с близнецами от тещи вернется, надо бы... что говорите? Не, прибраться не надо, у меня вот всегда чисто, вот не поверите... А еды прикупить надо, а то они вечером вернутся, а у меня хоть шаром покати. Вот я из дома выйду...

...а можно я еще полчасика поваляюсь?

Спасибо...

...черр-р-рт, обещал себе на полчасика, и нате вам, уже...
...нет, я вам не скажу, сколько уже, а то вы меня засмеете. Чего вы меня не разбудили, вообще вредно столько спать.

Да иду я, иду уже, во сейчас кофе попью, из холодильника остатки выскребу, сейчас, пойду, пойду... Вы меня тоже

поймите, мне вот тоже как-то невесело, сидел себе, никого не трогал, в маркет поехал, и тут нате вам, грузовик на полной скорости, он же меня на куски разорвет, это ж больно...

Так что я тут еще посижу, время есть. Надо сил набраться, а то потом не до отдыха будет, когда я умру. Или не умру. Или умру. Я так толком и не понял. Останусь между мирами, какими мирами, не спрашивайте, нашим и ненашим, толком даже не пойму, что случилось. Это потом до меня дойдет, что случилось, в четвертой главе. А в шестой главе до меня дойдет, что это все но просто так, что это подстроено, что меня нарочно убить хотели... Только вот кто?

Буду расследовать, никуда не денусь. Когда пойму, что я умер. Когда пойму, что один и тот же день повторяется снова и снова, я просыпаюсь, хочу поваляться еще час, два, три, вечность, потом пью кофе, потом про благоверную свою вспоминаю, потом выскребаю из холодильника остатки, потом сяду в машину, потом...

...временная петля, вот как это называется. Ну, сейчас это модно, временные петли, их на всех показах от кутюр выставляют, видели, наверное, модели с этими петлями на шее выходят... вот и мне на шею набросили петлю, которая затягивается все туже и туже с каждым витком, и я должен разобраться, кто меня убил, пока петля не затянулась в точку.

Так что давайте я уж напоследок посижу в кухне спокойно, поразмыслию... ну вот, хотя бы поразмыслию, кто меня убить хотел.

А?

Благоверная моя, говорите?

И-и-и, не клеветайте даже, я её люблю, она меня любит, незачем нам друг друга убивать, незачем... потому что. Потому что я так сказал. Потому что я не хочу, чтобы она... понимаете? Не хочу! Нечего нам делить. Ни дом, ни машину, ничего, если нужно будет, я ей и дом, и машину отдам... да уже и было так, когда у неё там дрянь какую-то в груди нашли, я уже прикидывал, сколько будет стоить рак лечить, сколько выручим, если дом продать, и машину в придачу... Обошлось, не было там ничего у неё...

Так что не вздумайте даже.

А?

Близнецам двенадцать, те еще головорезы... хотя нет, толк-то из них выйдет, я их в авиакружок записал, модели там делают... Не-не, пацанов моих тоже не трогайте, хорошие они у меня. И нечего мне тут ужасы рассказывать, как сыновья отца заказали, потому что он им на компе играть не разрешил, интернет вырубил, а может, и не заказали, а сами его вырубили, отца, то есть, а не интернет... Нет, так-то, конечно, всякое может быть, только по-человечески прошу, детей не трогать, пусть не они...

Ну, давайте думать будем, кто еще мог меня угробить... На работе, говорите? Что, думаете, работники мои настолько меня терпеть ненавидят? Нет, мы с ними спорим, конечно, до хрипоты спорим, но убивать-то меня некому, где бы они

все без меня были...

...чем занимаемся-то? Ну, как вам объяснить... будущее исследуем. Вот как про будущее обычно говорят? Грани будущего. За гранью будущего. А сколько у будущего граней? Не знаете? Вот и мы не знаем. Вот и исследуем. Сейчас, вроде, склоняемся к тому, что будущее имеет форму додекаэдра, хотя кто его знает... Так что на работе у меня тоже нормально все, не надо мне тут.

А вот кто тогда... Больше всего хочется приплести кого-то постороннего, кого я не знаю, чтобы не жалко было. Или вообще несчастный случай.

...говорите, нельзя так в рассказе, надо, чтобы обязательно виновный был? Да знаю я, знаю... Слушайте, а давайте так, а пусть виновного не будет, а? Пусть это будет несчастный случай. А я не буду ничего расследовать. И день повторится. Снова. Снова. Снова. Хорошо? А? А автору ничего не скажем, вы ему потом соврете, что тут ужас-ужас что было, жена моя убийцей оказалась, дом отжать хотела, или сыновья...

Нет, вам все-таки историю подавай, чтобы меня в машине разворотило насмерть, чтобы жена моя виноватая оказалась, или кто-то из близнецов...

Ну хорошо, хорошо, будь по-вашему. Петлю времени надо? Хорошо, сделаем... А можно я еще поваляюсь?

Ну, еще пять минуточек. Или десять. Или полчаса. Или часок.

У меня вообще выходной, имею право.

Можно, да?

Вот, спасибо. А то я понимаю, вам интересно, чтобы бабах – и сразу действие завертелось, и я на машине из дома выехал, и в меня тут грузовик и врезался...

...извините, я вам пересказывать не должен был, что со мной случится, вам потом читать неинтересно будет, все должно было быть по порядку, я встаю, вспоминаю, что сегодня благоверная моя с близнецами от тещи вернется, надо бы... что говорите? Не, прибраться не надо, у меня вот всегда чисто, вот не поверите...

...А?

Да знаю я, знаю, что это уже было, вы хотели петлю времени, так вот, получите... нет, это не моя петля, а, извините, ваша, вы хотели, вы и получили... Вы давайте поторопитесь, а то петля-то затягивается, затягивается петля, все уже и уже...

...А можно я еще поваляюсь?

Ну, еще пять минуточек. Или десять. Или полчаса. Или часок.

У меня вообще выходной, имею право.

Можно, да?

Вот, спасибо. А то я понимаю, вам интересно, чтобы бабах – и сразу действие завертелось, и я на машине из дома выехал, и в меня тут грузовик и врезался...

...извините, я вам пересказывать не должен был, что

со мной случится, вам потом читать неинтересно будет, все должно было быть по порядку...

...А можно я еще поваляюсь?

Ну, еще пять минуточек. Или десять. Или полчаса. Или часок.

У меня вообще выходной, имею право.

Можно, да?

Вот, спасибо. А то я понимаю...

...А можно я еще поваляюсь?

Ну, еще пять минуточек. Или десять. Или полчаса. Или часок.

У меня вообще выходной...

...А можно я еще поваляюсь?

Ну, еще пять минуточек. Или десять. Или...

...А можно я еще поваляюсь?

Ну, еще пять мину...

Алчеп

Алчеп роняет корону.

Нет, не роняет.

Бросает.

Отталкивает от себя со всей силы.

Корона летит в одну сторону.

Алчеп в другую.

Так есть.

– Ни с места!

Алчеп целится в незнакомца, незнакомец поднимает руки:

– Стою... стою...

– Вот и не двигайтесь... не двигайтесь...

Незнакомец обижается:

– Бойтесь вы меня, что ли?

Алчеп фыркает:

– Боюсь, конечно.

– Да это я вас, сударыня, бояться должен, вы же меня сожрете...

– И не собираюсь.

– Так и я с вами делать ничего не собираюсь, что всполошились-то?

Алчеп оглядывает незнакомца. Осторожно спрашивает:

– А вы чем занимаетесь?

– Ну... тем же, чем и вы.

– Так-так... а я, по-вашему, чем занимаюсь?

– Пространство изучаете, что здесь еще делать-то можно.

– И что же именно?

– Ну... сюда приходят те, кто думают... что искривленное пространство может мыслить...

– Верно говорите, – Алчеп наконец-то опускает оружие, незнакомец заходит.

– Пачел, – представляется он.

Так будет.

– Крылатая! Крылатая!

В Алчеп летят камни.

Потому что – крылатая.

Потому что нельзя так.

Потому что... ну, просто, нельзя – потому что нельзя.

Вот камни и летят в Алчеп.

– Крылатая!

...так было.

Алчеп видит будущее, которое никогда не случится, Алчеп видит, как она спускается на незнакомую землю, зары-

вається в глибину, хоронит себе заживо.

Навсегда.

Так не будет.

Алчеп кланяється королеві, Алчеп королеву толком не видить, королева починається здесь, а кончається где-то там, там.

Алчеп королеву боїться.

Алчеп тихонько говорить самій собі, що вона такої не буде.

Никогда.

Потому что.

Ну, то королева, а то Алчеп.

Так было.

Коронуют Алчеп.

Потому что у неё крылья.

Алчеп гордиться, уж тепер-то Алчеп покажет им всем... всем... которые камни бросали... которые...

Алчеп поправляет корону, расправляет крылья.

Поднимается в небо, выше, выше, Алчеп холодно, Алчеп знает – так должно быть. Еще выше Алчеп хватает воздух, воздуха нет, так должно быть, чтобы воздуха не было.

Алчеп делает последний выдох.

Взмахивает крыльями.

Поднимается над миром, выше, выше, выше.
В звезды.

Так тоже было.

– Ни с места!

Алчеп целится в незнакомца, незнакомец поднимает руки:

– Стою... стою...

– Вот и не двигайтесь... не двигайтесь...

Незнакомец обижается:

– Бойтесь вы меня, что ли?

Алчеп фыркает:

– Боюсь, конечно.

Алчеп боится, еще бы не бояться, потому что она – Алчеп, а он – он, и между ними что-то должно случиться, а потом Алчеп должна его съесть, а потом похоронить себя заживо на чужой земле.

Он тоже боится.

Так будет.

...ученые до сих пор не пришли к единому выводу, откуда взялась величайшая из цивилизаций, которая впервые вышла на контакт с разумным искривлением пространства. Кто-то предполагает, что её основали потомки примитивных

видов, которые раз в тысячу лет выпускают в космос крылатую особь для освоения новых планет...

Так тоже будет.

Алчеп наклоняется над приборной панелью, смотрит на сигнал на экране.

Зовет Пачела.

Смотри.... Смотри!

Смотрят на сигнал, прикасаются друг к другу плечами, как будто электрическая искра пробегает между ними, Алчеп смотрит на Пачела...

...отстраняются.

Алчеп пытается понять сигнал, идущий из пустоты, Пачел пытается шифровать, вот эти всполохи повторяются чаще всего, это может быть «О», Алчеп не согласна, какое О, у них и алфавит другой, и все другое...

...так будет.

Так будет?

Так будет – говорит себе Алчеп, говорит и понимает, что не все будет, и не сразу, огромный путь будет от бесцельного скитания по вселенной до поиска иных миров, сейчас нужно найти таких, которые думают, но таких, которые не коронуют, которые не назовут Алчеп королевой...

Так есть.

Алчеп машет крыльями, сильнее, сильнее, сильнее, крылья не слушаются, что такое, почему не слушаются, почему холодно, не должно быть холодно.

Алчеп засыпает.

Вернее, хочет так думать – засыпает.

Так есть.

– Ни с места!

Алчеп целится в незнакомца, незнакомец поднимает руки:

Стою... стою...

– Вот и не двигайтесь... не двигайтесь...

Незнакомец обижается:

– Бойтесь вы меня, что ли?

Алчеп фыркает:

– Боюсь, конечно.

Алчеп боится, еще бы не бояться, потому что она – Алчеп, а он – он, и между ними что-то должно случиться, а потом Алчеп должна его съесть, а потом похоронить себя заживо на чужой земле.

Он тоже боится.

Так не будет.

Не будет...

История про кошку, которой не было. Истории. Или кошки

...кошка была всегда, кошка была единственная, кто не зависел от...

...От...

...я не знаю, от чего, я не могу это выразить. Иногда она сидела перед нашим домом, иногда – перед соседним, иногда пропадала куда-то, иногда сидела возле дома напротив. И что-то подсказывало мне, что это была одна и та же кошка.

Одна и та же.

Как будто у нас могло такое быть.

Но все по порядку.

По утрам я выходил из дома, чтобы отправиться в школу. Я спускался по ступенькам крыльца, а слева от нашего дома был точно такой же дом, из которого выходил точно такой же я. Я уже знал, что попытки помахать рукой другому мне не увенчаются успехом – он отворачивался и махал рукой тому мне, который был еще левее, а тот махал еще более левому, а я не успевал развернуться и посмотреть, как машу себе я справа от меня.

Иногда мы менялись, я шел в дом левее или правее, иногда я переходил улицу, чтобы вернуться вечером в дом напротив.

И только кошка была одна-единственная.

Я не знал, почему.

Когда наступали холода, кошка приходила ночевать в каком-нибудь из домов. Мы считали это большой честью, когда приходила кошка, пускали её в дом, давали говяжью вырезку.

Кошка была всегда.

И кошка была одна.

Дальше здесь должна быть какая-нибудь история, как кошка, например, пропала, и мы все объединились, чтобы её найти. Только такой истории не будет, потому что кошка никуда не пропадала, каждый вечер она приходила к какому-нибудь дому. Или история про то, как кошка однажды обернулась, как будто звала меня за собой, и я пошел за ней, а там... ..а там что-то было. Но такого тоже никогда не происходило. Пару раз я пытался наблюдать за кошкой, но ничего особенного не происходило, она шастала по улицам, останавливалась перед каким-нибудь домом, чтобы её накормили или впустили, гонялась за бабочками или опавшими листьями в зависимости от сезона...

Если вы спросите меня, что я делал в школе, я отвечу вам – не знаю. Если бы вы спросили моих родителей, что они делали на работе, куда они вообще шли, когда покидали дом – они не знали. Точно так же моя сестра ничего не знала о том, куда она уходит. Мы никогда не задавали себе таких вопросов, для нас это было естественным, как свет луны,

днем тусклый на туманном небосводе, ночью яркий, как индейка на Рождество, как вечерний чай, как есть, как спать...

...когда мне исполнится восемнадцать, я уеду в большие города, буду испуган и ошарашен обилием разных домов, бешеным ритмом городской жизни... И уже потом, где-нибудь лет в тридцать я попытаюсь найти свой родной городок, и мне скажут, что городка с таким названием нет, и никогда не существовало...

Следующее января

Сегодня сын начал подтаивать – не сильно, а так, слегка, – сквозь его руку был виден чайник на столе и кусочек окна. Артур еще подумал, что рановато началось, обычно хватало на месяц, ну хотя бы на двадцать дней – а тут нате вам, через неделю.

– Ну что ты на меня так смотришь, а?

Это не сын, нет. Это говорит Элла.

– Как так?

Артур не понимает.

Элла смотрит на собственную руку, сквозь которую видна лестница на второй этаж и комодик, а что в комодике, толком никто и не знает, сто лет не заглядывали.

– Ну, мы виноваты, что ли, что вот так? Виноваты, да?

– Нет, нет, ну что ты...

– А что тогда смотришь так?

– Дорогая, тебе скандал нужен, или что?

– Да ничего мне не нужно! – Элла хочет хлопнуть ладонью по столу, ладонь проходит насквозь, – ни-че-го!

Выбегает из столовой в левую гостиную. Сын обреченно смотрит на Артура:

– Пап, да видишь же, она...

– ...да вижу, вижу...

Сын хочет вытащить из шкафа какую-то книжку, надо же,

в кои-то веки за бумажные книги взялся, – не может, рука проходит насквозь, наконец, книжка падает на ковер, сын пытается поднять, не может.

Сын. Почему-то у него нет имени, почему-то в памяти он остался просто как сын, еще спорили с Эллой, еще выбирали, Максимилиан, Эдуард, Мэтью, все было какое-то не то, потом было что-то в метрике, в паспорте, Артур не помнит, что именно. Надо бы посмотреть, только в метрике-паспорте уже не посмотрит, а свидетельство о смерти затерялось куда-то, кстати, может, в том комодике и лежит...

Артур подхватывает книгу, раскладывает на столе, хочет листать сыну страницы, тут же понимает, что сын читать и не собирался, хотел проверить, может он еще что-то взять в руки или нет...

Сквозь силуэт сына видно окно, и снег идет, что-то многовато за зиму намело...

Артур обреченно набирает на сайте:

**ВАКАНСИИ
ТРЕБУЕТСЯ ГОРНИЧНАЯ...
ОТПРАВИТЬ...**

– Ну, пап, мы пошли.

Вчера был январь, сегодня июньское утро. Кто-то как будто издевается над Артуром, снова и снова подсовывает это проклятое утро, и на календарь можно не смотреть, пятое

июня, проклятое утро, солнце светит, Элла заходит в столовую, сейчас про заморозки скажет, и что розы холодом побилло, так и есть, про заморозки говорит, и про розы. В первый раз Артур ей ответил, и что и без неё тошно, а тут она еще со своими заморозками, в этот раз Артур только кивнул, ну что ты, мы тебе новые розы купим, посадим...

– Да что это с тобой?

Это Элла.

– Да ничего... новые купим...

– Случилось чего?

– Ну, вот... розы холодом побилло...

– Ты... ты чего так?

Алан вспыхивает:

– А тебе что надо, чтобы я тут разорался, что не до тебя мне, а тут ты со своими розами?

– Вот я так и знала, что тебе до меня дела нет!

– Ну, пап, мы поехали...

Артур машет сыну рукой.

Элла хлопает дверью.

В этот раз они поехали вместе в какой-то маркет за розами.

Артур уже знает, что будет дальше.

Артур ждет.

Надо чем-то занять себя, только вот чем, плохо, что выходной, даже на работу не поедешь, почитать что-нибудь, что ли, Артур видит, что в шкафу не хватает одной книжки,

так и есть, лежит на столе, как лежала вчера. Кто-то, кто меняет реальность, не уследил...

Артур идет в правую гостиную, щелкает пультом, переключает каналы, смотрит на часы, ждет половины третьего.

...нет, в половине третьего в новостях еще ничего не будет, будет попозже, часа в четыре, авария на трассе...

Артур еще ничего не делает, он еще и не должен ничего делать, ему только вечером из морга позвонят, скажут...

Вечером звонят из морга.

Говорят.

...Артур ложится спать, просит кого-то, не знает, кого, чтобы завтра было четвертое июня, ну пожа-а-алуйста, они всей семьей куда-нибудь выберутся, да хоть бы вон, в ближайший лесок, на травке посидеть, чайку попить из термоса, сын, хорош в телефоне своем ковыряться, не знаю я, что значит скроллить, нет такого слова, ну, у нас не было, хорош уже, хоть на мир посмотри, что значит, что ты тут не видел, ничего ты тут не видел...

...утром идет снег. Много снега в этом году.

Артур спускается на кухню, щелкает чайником, спохватывается, что чайник пустой, вот черт, а прислуга на что, а эти все, (это Элла с сыном – эти все), хоть табличку вешай, кто последний допивает воду из чайника, наливает снова... Артур спохватывается, что кроме него, Артура, тут кофе пить некому, наливает полный чайник, в который раз думает, на-

до бы кофемашину какую, в который раз думает – на хрена...

В столовой мелькают тени, тень сына, тень жены, черт, а ведь просвечивают, просвечивают, надо действовать, надо спешить...

Чер-р-рт...

Сын хочет перевернуть страницу книги, не может. Артур не выдерживает, идет к сыну, листает, читай, давай, чего ты... это ж про этого... с индейцами он там... в Америке... как же его... не помню...

Сын начинает читать зачем-то вслух, Элла садится рядом, слушает, совсем Элла притихла, сидит, теребит шаль, надо бы камин разжечь, интересно, чувствуют они камин или нет...

...колокольчик на двери.

Артур спешит в холл, долго возится с замком, иду, иду, щас, щас, кого там в такую погоду черт при...

– ...а я по объявлению.

– А-а-а, горничная... Пожалуйста... проходите... опыт работы-то есть?

– Ну-у-у...

– Нету? Ничего, научим... я тоже на первую работу пришел, в резюме наврал, что все умею, а сам смотрю на это на все как баран на новые ворота... Ничего, выучился... Ладно, не буду вам собеседование устраивать, это благоверная моя допрашивать любит, каким средством чашки мыть, а каким тарелки, а каким бокалы, а в чем трусы замачивать...

дозамачивалась, что они у неё растворились все в тазу... Мне-то без разницы, чего вы там в стиралку насыплете, чего в посудомойку... Ладно, пойдёмте на кухню, курчонок у меня там лежит, вот вы мне его и запечете, вот и посмотрим, как оно у вас получится... да не бойтесь вы так, не укусит он вас... не боги горшки обжигают, справитесь... Так-то вы не смотрите, что у нас тут дворец целый, раз в неделю пылесосом пройдётесь, и хорошо... Людей-то в доме полтора человека, я, да жена с сыном... да н бойтесь, сыну двадцать уже, уже не в том возрасте, когда дом за ним по сто раз в день отмывать надо... Что, холодновато у нас? Ничего, сейчас чайку сообразим... курчонка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.